

Ци Хуайчжоу холодно посмотрел на собеседника. В юноше он не мог разглядеть ни малейшего следа того, кто принадлежал к числу людей по имени «Цзян Ли». Более того, ему казалось, что живые, влажные от блеска глаза юноши до странного напоминают ту самую пушистую комочку шерсти по кличке Сюэну.

В этот момент снаружи раздался стук в дверь — Му Шэн вернулся. Цзян Ли радостно подбежал к выходу и отворил створки:

— Брат Шэн, ты вернулся!

В глазах Цзян Ли еще не успела погаснуть улыбка. Му Шэн поднял руку и потрепал его по макушке:

— Сегодня на завтрак подают любимые похлёбки А-Ли, с добавлением красных хурмин.

Бōто — это то же самое, что в более поздние времена суп с клетками, а красные хурмины — не что иное, как помидоры. Съесть такую пиалу с утра не только приятно благодаря кисло-острому вкусу, но и чрезвычайно полезно для желудка.

Главная причина заключалась в том, что тело прежнего владельца запустили донельзя: у того с самого рождения были слабые жилы и хронические недуги. А поскольку Цзян Ли люто ненавидел пить лекарства, оставалось лишь одно — попытаться поправить здоровье с помощью целебной диеты.

Впрочем, Цзян Ли вовсе не был профессиональным поваром и полагался лишь на те или иные видеоролики о здоровом образе жизни, которые доводилось просматривать в прошлой жизни в порывах душевного настроения. В конце концов, нынешнее молодое поколение из будущих эпох помешано на принципах оздоровления: заваривать ягоды годжи в газировке, носить грелки под рваными джинсами, пить ледяной чай с молоком в лютый мороз и подольше держать глоток во рту...

Во всех этих модных тенденциях неизменно мелькала крутая фигура Цзян Ли, словно котик, застрявший на вершине сосны.

Однако, стоило заикнуться о помидорах, как Цзян Ли неизбежно уносило в дебри всяких посторонних мыслей — например, о том, что в будущих эпохах томаты попали в Китай во времена династии Мин через морские пути из Европы, Юго-Восточной Азии и прочих регионов.

Нынешние мореходные технологии Великого Ци были вполне сносными, а Цзян Ли изначально планировал обосноваться в Юньчжоу надолго. Поэтому, заметив помидоры, он внезапно воспрянул крошечной идеей дать отпор силе сюжета. Императорская чета хоть и приходилась ему фальшивыми отцом и матерью, но любила его искренне и от всего сердца.

Тьфу ты, сегодняшняя кошачья натура снова взбунтовалась.

Если сюжетную линию не удастся переломить с налету, Цзян Ли решил временно сменить тактику: заняться каким-нибудь делом, заработать денег, а затем построить большой корабль и увезти мнимых родителей в открытое море ради спасения жизней.

В конце концов, в оригинальном романе о морских просторах не было ни слова. Чем дольше он находился в этом мире, тем сильнее ощущал ценность человеческой жизни. И пусть во время чтения романа фальшивые родитель и матушка казались ему сущими картонными персонажами, теперь, когда он сам угодил в их мир, все они превратились в живых, из плоти и крови, обычных людей.

— О чем задумался? Ешь давай, — Му Шэн снова потрепал Цзян Ли по голове, а затем повернулся и, не скрывая холодного равнодушия, окликнул Ци Хуайчжоу присоединиться к трапезе — являя собой образчик вопиющего и бесстыдного применения двойных стандартов.

— Брат Шэн, не учись плохому у моего папочки, — с лицом преисполненным важности, Цзян Ли посмотрел на названного брата. Непонятно почему, но все близкие люди вокруг вечно норовили погладить его по голове, хотя теперь он был человеком, а не Сюэну. На это Цзян Ли выражал решительный протест: — От этого я преждевременно облысею!

Закончив завтрак, Ци Хуайчжоу вернулся в свою комнату, а спустя мгновение вышел оттуда с завязанным в узел узелком в руках:

— Благодарю обоих за спасение моей жизни. Если представится возможность, я непременно отблагодарю вас щедро в будущем.

Раны юноши еще не зажили окончательно, и его суровое, отрешенное лицо по-прежнему оставалось осунувшимся и бледным.

Услышав слова гостя, Му Шэн без малейших колебаний отмахнулся:

— Иди, иди. Никакой щедрой благодарности нам от тебя не нужно — лишь бы не навлечь на себя беду из-за того, что мы тебя подобрали.

Цзян Ли, отправленный учителем Му обратно в комнату выводить иероглифы на бумаге, слышав шум, в два-три шага подбежал к дверям и осторожно высунул наружу любопытную макушку.

С той точки, где стоял Цзян Ли, отлично было видно удаляющуюся спину молодого человека. Ци Хуайчжоу почувствовал этот взгляд, обернулся и посмотрел в ответ.

Заметив, что юноша оглянулся, Цзян Ли моргнул и, спрятавшись за дверным косяком, помахал рукой:

— Счастливого пути, господин Хуай! До встречи в следующий раз.

Такая ослепительная красота! Даже если внутри этого человека скрывался опасный злой дракон, расставаться с ним наветчно было бы просто непростительно, правда же!

Ци Хуайчжоу холодно отвернулся и зашагал прочь, твердо уверенный в одном: этот юноша точно не мог быть тем самым «Цзян Ли» из Шэнцзина.

Ци Хуайчжоу ушел, но покидать уезд Юньбао спешил. Вместо этого он потратил два-3 дня на то, чтобы вдоль и поперек обшарить весь уезд.

Убедившись под конец, что Ци Сяньчунь отозвал всех наемных убийц, он наконец успокоился и решил тайком навестить наложницу Линь.

Правда, показываться ей на глаза он не стал. Дождавшись, когда та отвлечется на домашние хлопоты, молодой человек оставил в ее комнате домашнее послание.

Если судить по внешнему виду, наложница Линь и впрямь выглядела чуть более округлой и здоровой, чем в те дни, когда была одними костями, и это позволило Ци Хуайчжоу хоть немного унять тревогу.

В тот день, чтобы вывезти наложницу Линь из клана Ци, Ци Хуайчжоу дал ей снадобье. Но любое лекарство наполовину яд, и раз тот порошок вызывал у женщины симптомы чахотки, он неизбежно наносил определенный вред ее внутренним органам.

Именно поэтому наложница Линь день ото дня чахла, непрестанно кашляла ночи напролет и даже харкала кровью — все это были проявления внутреннего отторжения лекарства организмом.

Однако иного выхода у Ци Хуайчжоу не оставалось. Власть клана Ци во всем Юньчжоу переплеталась густейшей паутиной, и даже выведя наложницу Линь из поместья, он не мог чувствовать себя в безопасности. Только заключив сделку с советником Чэном, заставив того сдерживать влияние клана Ци, Ци Хуайчжоу сумел тайком переправить и устроить наложницу Линь в уезде Юньбао.

Побочные эффекты от приема тех средств, разумеется, были необратимы, поэтому теперь здоровье наложницы Линь оставалось лишь поддерживать с помощью долгого и терпеливого ухода. Оставив ей все свои сбережения, Ци Хуайчжоу повернулся и, не оглядываясь, покинул это место.

Смертники клана Ци преследовали его по пятам до самого уезда Юньбао, но раз теперь они отступили, ему следовало воспользоваться моментом, покинуть уезд Юньбао и строить дальнейшие планы.

Проходя через все это снова и снова, в сравнении с новым правителем Цянди, словно

обласканным самой волей Небес, Ци Хуайчжоу обладал лишь одним преимуществом — кровавыми воспоминаниями, въевшимися в самую память.

Теперь, когда он остался один, вступить в открытое противостояние с силами Цянди было безумием. Куда разумнее сменить имя, залечь на дно и заняться возвращением собственной мощи.

В голове Ци Хуайчжоу промелькнуло множество мыслей. В конце концов он поднял голову и холодным взглядом уставился вдаль: в его сердце уже наметилось место, где стоило развернуть замыслы.

С тех пор как Ци Хуайчжоу ушел, Му Шэн редко покидал дом — разве что за покупкой утренней и вечерней трапезы. Несмотря на сильную настороженность к тому молодому человеку, что залечивал раны в их тихом дворике, он знал, что зла тот не замышляет, а потому без опаски оставлял А-Ли дома одного.

Снаружи раздался стук в дверь. Цзян Ли как раз упражнялся в каллиграфии в комнате, и Му Шэн сам прошел к выходу, чтобы отворить засов.

— Старший брат, это тот человек, которого вы велели нам разыскать, — на пороге стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати в потрепанной, но тщательно выстиранной и заштопанной одежде, донельзя похожий на юного книжника из бедной семьи.

Му Шэн принял из рук подростка несколько свитков, бегло просмотрел их и тихо спросил:

— Совпадают ли сведения, добытые вами, с её официальной справкой?

— Старший брат, мы с нашими соучениками не только расспросили соседей этой женщины в уезде Юньбао, но даже отправляли людей в её родные края — личность подтверждена со всей надежностью, — с серьезным видом продолжил мальчик. — Госпожа Линь уже много лет вдова, отец ее был сельским учителем, а матушка — простой крестьянкой. Из-за врожденного недуга речи она вышла замуж за односельчанина-простолюдина, родив ему сына. Ой, поговаривают, что безвременно почивший муж госпожи Линь страдал запоями и стоило ему захмелеть, как он распускал руки. Если взглянуть на это так, госпожа Линь и вправду несчастная женщина. Позже разразилось наводнение, родители и муж погибли в том бедствии, а она с сыном чудом уцелела. Чтобы выжить, госпожа Линь забрала ребенка и покинула родные места. Нынче сын ее уже много лет как ушел странствовать и не возвращался, так что госпожа Линь осталась в доме совсем одна.

Му Шэн пару раз провел пальцами по бумажным страницам, задумался на мгновение и произнес негромко:

— Передай этой женщине, что с завтрашнего дня она может приходить сюда на работу.

Подросток кивнул, а заметив проходящего мимо калитки прохожего, торопливо добавил:

— Господин, вот те самые книги, которые вы просили переписать, всё готово. Посмотрите, насчет платы за переписку...

Му Шэн легко улыбнулся и мягко достал из кошелька монеты, протягивая мальчику:

— Хорошо. В следующий раз, как возникнет нужда, мы снова побеспокоим юного господина.

Цзян Ли сидел в комнате, сгорбившись над прописями. Он рос в приюте, где царила отвратительная атмосфера: тамошним детям порой не хватало еды, не говоря уж о возможности постигать каллиграфию, поэтому писать кистью он отчаянно не умел.

Сразу после того, как Цзян Ли обернулся из кота обратно в человека, его заботливый брат Шэн не давал ему ни минуты покоя: неизвестно откуда он притащил целый ящик кистей, туши, бумаги и чернильниц, тотчас затеяв для неграмотного подопечного курс ускоренного просвещения.

Страхнув усталость с кисти, Цзян Ли отложил исписанный лист в сторону и тут же увидел входящего Му Шэна с книгами в руках. Ощущение того, что учеба — сущая каторга, вновь окатило его с головой.

— Брат Шэн, книг в нашем доме уже предостаточно, покупать новые точно не за чем!

Он с таким трудом сдал экзамены в университет и больше не должен был зубрить день и ночь, как в старшей школе, но насладиться студенческой вольницей так и не успел — его снова придавило плитой обязательного учения.

«За что мне такая горькая доля?» — мысленно завопил Цзян Ли, хватаясь руками за голову.

— Не переживай, эти книги не для А-Ли, — Му Шэн не смог сдержать улыбки при виде полуживого вида подопечного. — Несколько дней назад на улице мне встретился юноша, который зарабатывает на жизнь переписыванием книг, вот я и попросил его потрудиться над ними.

Цзян Ли моргнул и, убедившись, что Му Шэн не лжет и не пытается отделаться от него отговорками, мгновенно воспрянул духом.

Глядя на него, Му Шэн почувствовал, как в сердце вновь поднимается невольная нежность. На самом деле его А-Ли добился огромных успехов: после долгих лет помрачения разума он очнулся и теперь постигал все с чистого листа, словно малое дитя.

Но успехи высочества он тоже видел собственными глазами — тот буквально менялся день ото дня. Правда, Му Шэн подозревал, что высочество испытывает тайную неприязнь к учебе, хотя в этом не было ничего страшного: никто ведь не заставляет будущего государя в обязательном порядке блистать ученостью.

Му Шэн заварил чайник с кипятком, устроился за столом и лениво перевернул страницу первой попавшейся книги.

Пока «домашний учитель» углубился в чтение, нерадивый ученик Цзян Ли принялся в открытую грызть кончик кисти и предаваться праздным раздумьям.

Возможно, сказывалось сиротское детство: Цзян Ли приучился зарабатывать на хлеб с малых лет, из-за чего просто не умел сидеть без дела.

Погрызая древко, Цзян Ли украдкой покосился на погруженного в чтение учителя Му и, поразмыслив секунду, тайком вытянул чистый лист бумаги, мысленно возвращаясь к сюжету романа «Бушующие ветры Да Чэна».

Однако сколько он ни напрягал память, вспомнить хоть сколько-нибудь значимую сюжетную линию ему так и не удалось. Поскребя в затылке, он почувствовал себя совершенно растерянно: почему это у всех нормальных попаданцев получается разложить сюжет по полочкам от начала до конца и даже цитировать наизусть, а у него?

А у него в голове не осталось абсолютно ничего, он даже имя главного героя толком припомнить не мог. Вроде бы оно состояло из какой-то комбинации вроде Тоба-кого-то-там или Хэлянь-кого-то-там — в те годы подобные экзотические двойные фамилии пользовались дикой популярностью.

И тогда Цзян Ли нарисовал на листе жирный круг, а внутри него — огромный крест.

Дальше шел истинный наследный престол — трагический красавец-второстепенный герой. Кажется, настоящего наследника звали... Цзян Ли снова принялся самозабвенно скрести затылок. Нет, что за золотая рыбка вместо мозга у него в голове? Почему после прочтения целой книги в памяти не осталось ни единой детали?

На слегка пожелтевшей бумаге появился еще один гигантский крест. В конце концов Цзян Ли со злости швырнул кисть на стол: ладно, не вспоминается — и не нужно, сейчас ему куда важнее обдумать уникальные методы заработка для человека из другого мира.

Шла ли речь о войне или побеге, мнимым родителям непременно понадобятся огромные суммы денег. Цзян Ли моргнул, его глаза излучали полную серьезность. Разумеется, затею с заработком невозможно было скрыть от многоуважаемого учителя Му, а потому...

Цзян Ли перевел взгляд на Му Шэна. Его брат Шэн был искусен как в словесности, так и в военном деле, да к тому же в душе являлся истинным патриотом, преданным родине. Как же Цзян Ли мог упустить из виду столь ценный кадр?!

Простую истину о том, что один в поле не воин, Цзян Ли отлично усвоил. Спасти фальшивых

папочку и матушку из лап оригинального сюжета — задача явно не из легких, но поскольку первоисточник представлял собой бульварный роман без каких-либо берегов, все сюжетные линии служили лишь ради красивой мишуры, и в них наверняка крылось множество сюжетных дыр.

Искать ляпы в книгах — занятие проще простого. Стоило подумать об этом, как угнетенное настроение Цзян Ли мгновенно испарилось.

<http://bllate.org/book/21171/2144752>